

ЛОВЪ НАЖИВКИ

Часовъ около 10 вечера попалъ я на «песокъ»; ловъ былъ уже въ полномъ разгаре. Я сначала растерялся и никакъ не могъ понять, что предо мной делается. Собираясь на ловъ, я совершенно упустилъ изъ вида, что ловить наживку будетъ не одинъ Григорій, поэтому меня поразила масса людей, тянущихъ не менее десяти неводовъ. Я съ трудомъ отыскалъ Андрея. Онъ рядомъ съ другими незнакомыми мне поморами, перекинувъ *стоянку* черезъ плечо и зажавъ ее въ руке, медленно, шагъ за шагомъ, двигался по направлению отъ моря; дойдя до известнаго места, онъ бросалъ *стоянку* и бежалъ къ воде; быстро хваталъ веревку и опять тянулъ, какъ и прежде. Я сталъ рядомъ съ нимъ и старался делать все такъ же, какъ и онъ. Нашу веревку, кроме насъ съ Андреем, тянуло еще 4 человека. Это было одно *крыло* нашего невода, но где было другое, я не могъ различить, такъ какъ рядомъ съ нами тянули веревку несомненно отъ другого невода.

Въ море передъ пескомъ плавали поплавки неводовъ, и возле нихъ на карбасахъ стояли корщики и следили, чтобы неводъ шель правильно. Крича во все горло и поднимая то правую, то левую руку, они командовали, давая знать тянущимъ, какое *крыло* нужно тянуть быстрее. Я совершенно не понималъ, какой изъ этихъ криковъ относился къ намъ, и только старался не отставать отъ шагавшаго впереди меня Андрея.

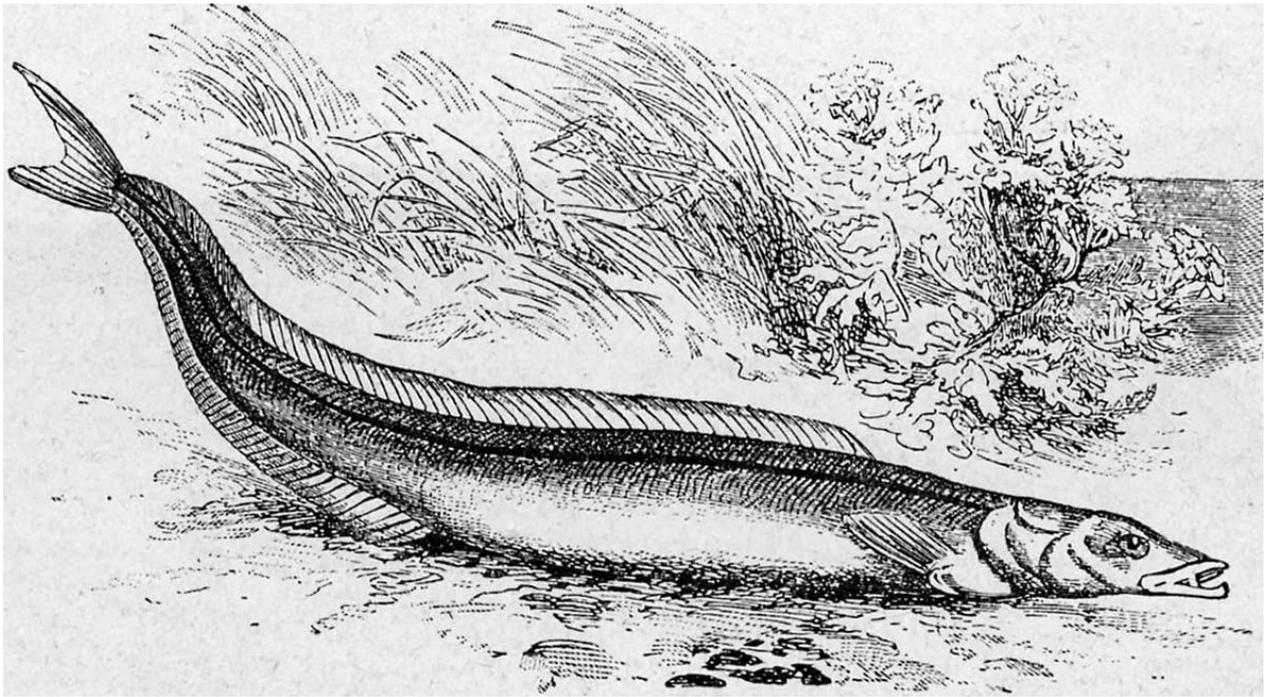

Ловь неводомъ (в Екатерининской гавани).

Вскоре я заметилъ, что все, тянувшіе наше крыло начали забирать влево; я сделалъ то же самое и сейчас же увидель, что къ намъ навстречу приближается такой же рядъ тянущихъ стоянку. Только теперь я понялъ, что это другое *крыло* нашего невода. Мы сходились все ближе и ближе. Когда изъ воды показались *крылья* невода, Григорій былъ уже на берегу. Подтянувъ свои высокіе сапоги, онъ бросился въ воду и началъ вытягивать нижнюю *подбору* невода, чтобы пойманная рыба не ушла. Я бросилъ *стоянку* и началъ следить, что будетъ дальше. Скоро въ неводе запрыгали небольшія рыбки, блестя на солнце своей серебряной чешуей. Когда неводъ подтянули и развязали его *мотню*, въ подставленную корзину, какъ ртуть, хлынула серебряная струя пойманныхъ рыбокъ. Эта была мойва.

Пока забрасывали неводъ во второй разъ, я началъ разсматривать пойманную наживку. Отъ корзины шель острый и характерный для мойвы запахъ, напоминающій запахъ огурцовъ. И этимъ запахомъ, и общимъ своимъ видомъ мойва очень напоминаетъ нашу корюшку. Мойва лучшая наживка для тресковаго лова. Весною она громадными стаями подходитъ изъ глубинъ океана къ устьямъ рекъ и здесь мечеть икру.

Среди мойвы я нашель несколько другихъ рыбокъ, песчанокъ. Это тоже самая обычная здесь рыбка, служащая, какъ и мойва, для наживленія яруса.

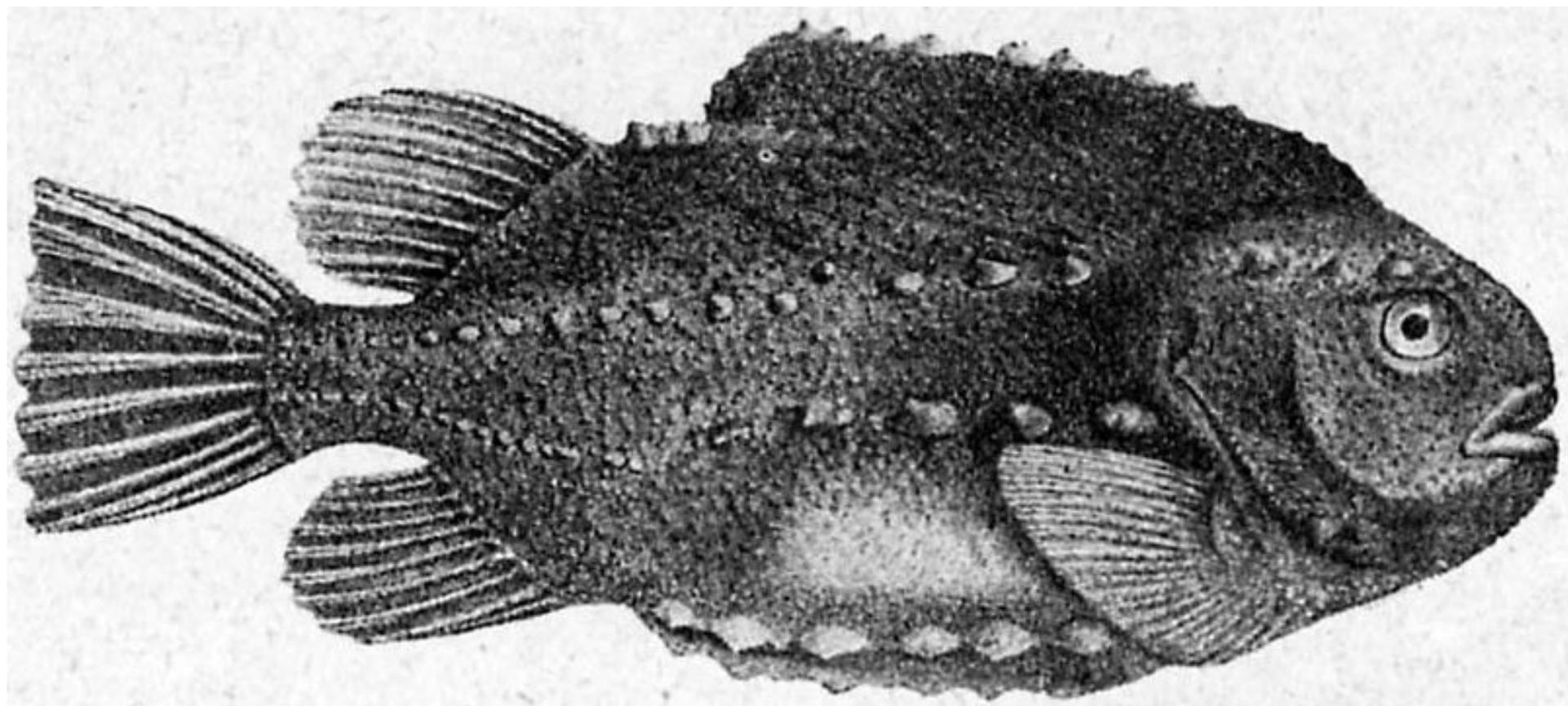

Песчанка.

Во второй зачеть невода мойвы поймали несколько меньше, но все же корзина была почти полной. Между прочимъ въ неводъ попалась крупная рыба «пинагоръ» или «прилипало». Ея не едятъ, и потому промышленники хотели выбросить ее въ море, но я взялъ ее, чтобы на досуге хорошенько рассмотреть. На брюшной стороне около головы у него былъ большой присосокъ, которымъ онъ прикрепляется, «прилипаетъ» къ подводнымъ скаламъ.

Корзину съ наловленной мойвой теснымъ кольцомъ окружили ловцы. Принесли еще корзины и ведра и начали распределять уловъ.

— Зачемъ это пересыпаютъ мойву? — спросилъ я Андрея.

Пинагоръ.

— А мы ведь ловили не одни, вот ее теперь и делить... У отца есть неводъ; когда мы ловимъ наживку, къ намъ присоединяются другіе промышленники, у которыхъ невода нетъ. За свою помощь они получаютъ часть улова.

Нагруженные добычей, неводомъ и *стоянками*, отправились мы къ стану. Скоро Григорій съ сыновьями, Андреемъ и Сенькой, сидели и наживляли ярусъ. Дернувъ за *форшень*, они освобождали крючекъ и особымъ образомъ насаживали на него рыбку. Я тоже присель къ нимъ и скоро уловилъ способъ насадки мойвы на крючекъ, но делалъ это такъ медленно, что только задерживалъ ихъ работу.

Наживленную часть яруса укладывали въ большой ящикъ, причемъ все крючки съ наживкой оказывались въ одномъ углу ящика.

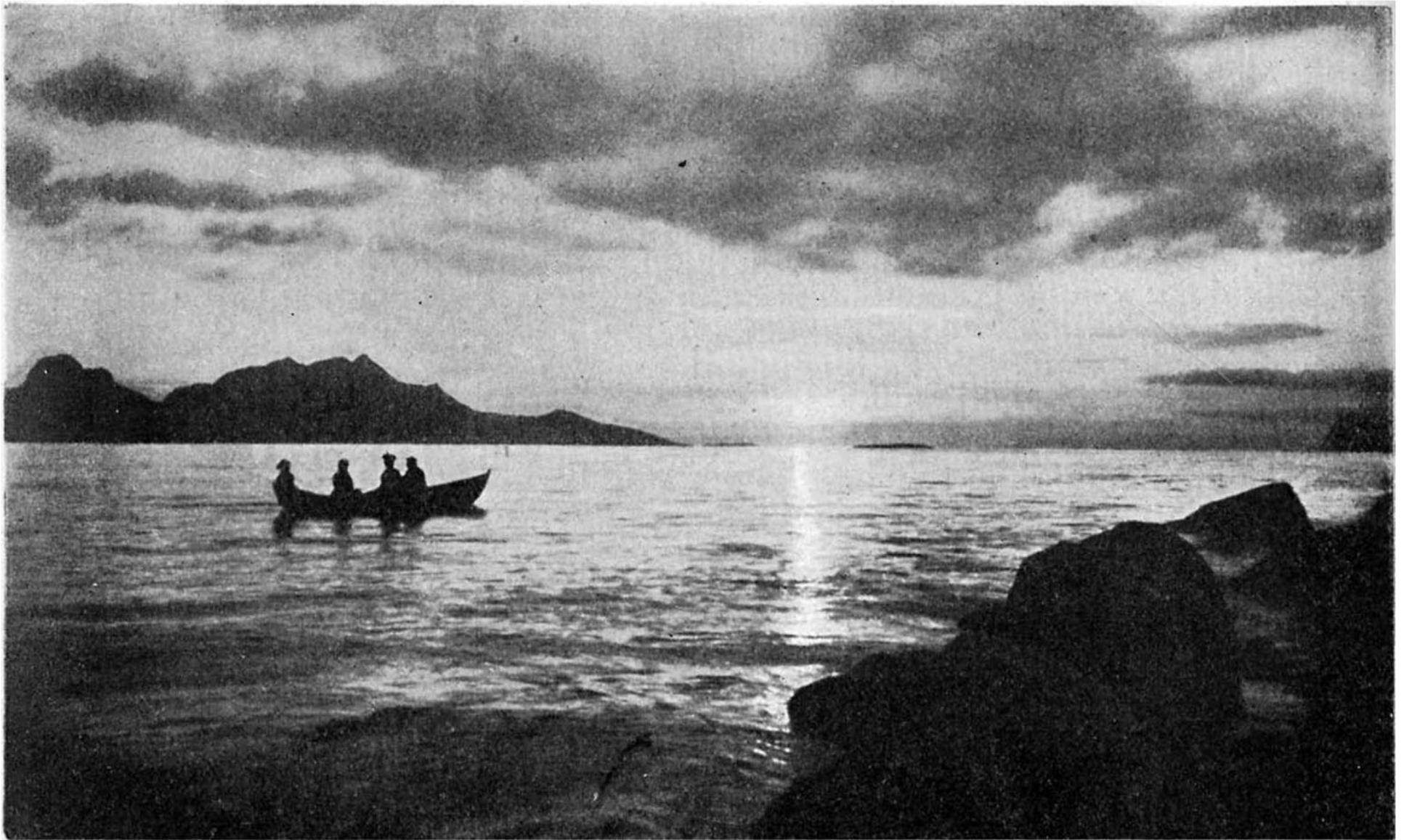
— Смотрите же, Константинъ Павловичъ, — говорилъ мне Григорій, когда я собрался уходить, — не опаздывайте! Завтра въ «полную воду» уходимъ въ море!

Я уже зналъ, что «въ полную воду» значить въ моментъ полного прилива.

Шлюпки не было, и потому я, переправившись на карбасе черезъ реку, пошелъ домой пешкомъ. Поднимаясь на высокую прибрежную скалу, я скоро былъ на ея вершине и здесь остановился, пораженный открывшейся предо мной картиной. Далеко на северъ тянулся безпредельный океанъ. Надъ горизонтомъ стояло солнце, окруженное легкими розоватыми и оранжевыми облаками. Золотой полосой тянулось его отраженіе черезъ всю видимую водную гладь, а по бокамъ

этой полосы легкая зыбь сверкала мириадами золотисто-розовых искр. Ближайшія скалы, какъ опрокинутыя, стояли въ воде, и, если бы не узкая линия пены прибоя, то невозможно было бы уловить границу между скалой и ея отраженіемъ. Кругомъ миръ и тишина... Все спитъ. Да разве это суровый, неприглядный северъ?!

Я взглянулъ на часы; было 10 минутъ перваго. Такъ вотъ оно, полуночное солнце, о которомъ я такъ мечталъ! Вотъ то явленіе, которое не могъ представить себе мой детский умъ, когда я въ школе читалъ и слышалъ о немъ! Да, несомненная полночь... Мои далекіе друзья, если только они не спятъ, любятъ теперь темнымъ усеяннымъ звездами ночнымъ небомъ, а меня здесь освещаетъ солнце! Какъ дивенъ міръ, какъ разнообразна природа!

Полуночное солнце.